

ГУРАМ Сагарадзе давно и кропотливо готовил себя к этому вечеру, шел к нему продуманно и ответственно. Не спешил, не рвался опрометчиво в «бой», взвешивал свои возможности, думал о подготовленности зрителя к такому вечеру. Вечер требовал гармонии и контактности сцены и зала. Вечер обязывал к полной согласованности актерской и зрительской.

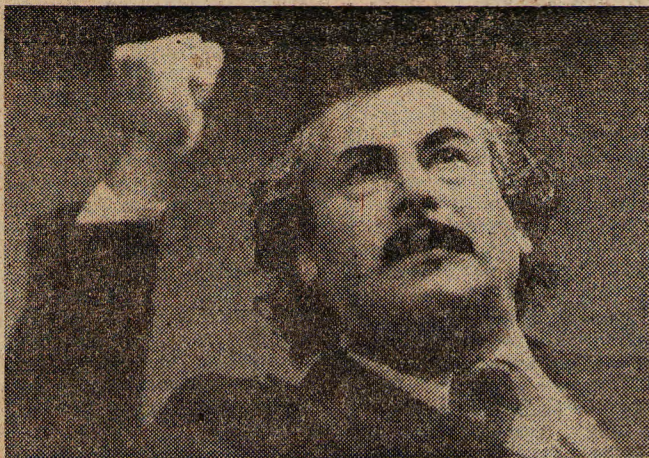
И зритель тоже готовился к встрече с чтецом. И тоже давно. Он попросту ждал этой встречи, хорошо осведомленный о возможностях артиста, с которым не раз общался на концертах. Но то были концерты «сборные», где Г. Сагарадзе читал, как правило, одно, максимум два стихотворения. Совсем другое — сольное выступление, где надо в течение двух часов держать в руках зрительный зал, уметь подчинить его себе, заставить слушать и сопереживать. И если учесть, что зал, в котором шел концерт, вмещает две с половиной тысячи зрителей, можно представить, какая огромная нагрузка легла на плечи одного актера!

Трудное искусство чтеца — специфично и неблагоприятно. Чтец выступает один на один со зрителем, нет у него подпорья, нет подмоги в лице партнеров, с которыми он мог бы изъясняться, устанавливать в общении с ними сценические отношения, необходимые для целенаправленного действия, без которого немислимо вообще искусство чтеца.

А чтец — это тоже театр. Как принято говорить — театр одного актера. И в этом театре ему, единственному действующему за себя, за автора и за всех лиц, необходимо сориентироваться в кругу сотен событий, творящихся вокруг, найти точку опоры и удержать нужное равновесие.

Равновесие это зависит от многих вещей. От позиции чтеца. От его понимания смысла своей профессии. От глубины осмысления исполняемого материала. От отношения к слову, от ощущения адресата, к которому оно, это слово, направлено.

Гурам Сагарадзе пришел к своему вечеру во всеоружии всех творческих и граж-

ЧТЕЦ — ЭТО ТОЖЕ ТЕАТР

данских возможностей, всех необходимых компонентов сценического действия, продемонстрировав совершенное владение искусством чтеца. Слушая Сагарадзе, думаешь и о том, как весомо, достойно и точно звучит каждое его слово, как свободно оно от штампов, от трафаретных, заученных интонаций, как тонко чувствует актер его глубинный смысл и красоту, с каким чутьем и проникновенностью относится к литературному материалу, умея дать ему свою, неожиданно свежую и современную интерпретацию, с каким достоинством и благородством держится на сцене. И все это — и слово актера, и его интонация, и осанка — не то, чтобы преподносились подчеркнuto и навязчиво, — нет. Они словно рождаются сейчас, сию минуту, здесь, на глазах зрителя, в его присутствии — естественно, непринужденно, просто. И понимаешь: это — мастерство, рожденное не только «даром небес», но добытое трудом, раздумьями, завоеванное в схватках с жизнью.

Сагарадзевские простота, естественность и благородство облачаются, также просто и естественно, в только ему присущий ритм чтения. Для каждого из поэтических образов, точно так же, как и для каждого из тех писателей, произведений которых он исполняет, Сагарадзе находит свои краски и особое осмысление, неповторимую, единственно возможную в каждом данном случае атмосферу.

Для своего вечера артист выбрал сложную и интересную программу — здесь предстали авторы разных поколений, разных творческих манер. Различные опреде-

лилось и в тематике. И все-таки, в этой внешней «несхожести» почерков, сюжетов и стилей было нечто общее, что шло от индивидуальности самого чтеца, от его художественного видения, от его подхода к трактовке исполняемого материала.

Вечер начался шедевром современной грузинской поэзии — стихотворением Ираклия Абашидзе «Голос у Катамона». Оно прозвучало в магнитофонной записи, прозвучало взволнованно, вдохновенно и мудро, сделав внушительную заявку всему вечеру, как его эпиграф. На фоне этой записи из темноты портала, освещенный снопом света вышел сам чтец. Вслушавшись в звук собственного голоса, медленно направился к рампе сцены и затем начал читать.

Режиссер А. Чхартишвили придал концерту соответствующую форму, использовал световые и панорамные эффекты, «игру» занавеса, музыкальное сопровождение, обыграл по возможности переходы (мизансцены) чтеца от одного положения к другому. Все это вносило в действие не только внешнее, но и смысловое разнообразие, в целом способствовало живому восприятию литературного материала. И звучали строки Руставели, осмысленные актером в широком, эпическом плане, звучали Бараташвили и лермонтовский «Демон» с их возвышенными, романтическими порывами, преподнесенными чтецом проникновенно и задушевно, звучали стихи Чавчавадзе и Саят-Нова, Церетели и Важа Пшавела, прочувствованные актером темпераментно и страстно. Изящно и непринужденно прочел Сагарадзе Петефи в прекрасном переводе Григола Абашидзе, драматично и задушевно исполнил он цикл новелл Николы Лордкипанидзе.

Затем — Галактион. Актер подобрал несколько его стихотворений — «Я и ночь», «Лазурь или роза в песке», «Ветер дует», «Знамена», а также отрывок из поэмы «Беседа о лирике» и читал их без паузы, впле-

тая одно в другое, как бы на одном дыхании. Особенно интересно прозвучали «Знамена». Гурам Сагарадзе вложил в это стихотворение особый, отнюдь не декламационный смысл, как это обычно делается, а интонацию дружеского призыва, совета, убеждения, просьбы, взаимного человеческого понимания, без которого никакое движение вперед не может состояться. Такую же необычную трактовку получило известное стихотворение Ладосиани «Раздолье» — актер читал его, как интимное излияние самых сокровенных чувств, как нечто доверительное и дорогое.

Последним исполнил Сагарадзе фрагмент из поэмы Мухрана Мачавариани «Вахтанг», представленный в программе под названием «Пусть идут». И это было тематически связано с композицией всей программы, звучало как призыв, как надежда, как напутствие нашей молодежи, идущей вперед в прекрасное будущее.

Для второго отделения программы Гурам Сагарадзе выбрал бетховенского «Эгмонта». Это — в его стихии, в его творческих возможностях, в традициях той школы — романтического, героического театра, которую прошел Гурам Сагарадзе на сцене драматического театра.

В образе гетевского и бетховенского Эгмонта артист нес в своем исполнении пафос человечности, пафос мысли, пафос душевности.

Его партнершей выступала Медея Амиранашвили. Музыкально и темпераментно исполнила она партию Клерхен, продемонстрировав красоту своего обаятельного голоса и высокую исполнительскую культуру. Как всегда, артистично и вдохновенно вел симфонический оркестр наш замечательный дирижер Джансуг Кахидзе, выступления которого на эстраде несут людям взволнованность чувств и ощущение прекрасного.

Да, это был неповторимо прекрасный вечер! И может быть, наперекор его неповторимости, его надо, необходимо повторить. Надо, чтобы зритель еще больше приобщался к красоте поэзии и музыки, чтобы наша молодежь, наша детвора росла и воспитывалась на их лучших примерах, на традициях красоты. И, коль скоро приходится думать, что вечер будет повторен, хотелось бы сделать два замечания. Прежде всего не стоит перегружать его панорамой (в особенности мешала она при чтении лермонтовского «Демона», и «Я и ночь» Табидзе). И, второе, — художник не лучшим образом оформил постановку, на которых выступают в «Эгмонте» Эгмонт и Клерхен в этом великолепном, профессиональном и высоком по своему уровню литературно-музыкальном вечере.

Этери ГУГУШВИЛИ,
лауреат премии имени К. Марджанишвили.

НА СНИМКАХ: 1. Выступает Гурам Сагарадзе. 2. Медея Амиранашвили и Джансуг Кахидзе.

